

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXV • 2022 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 100-летию со дня рождения российского монголоведа Лидии Леонидовны Викторовой (1921–2006)

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова

Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 10.03.2022

Формат 60×90 1/8. Объем 12 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. e-mail: editor@isvoe.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/gssy-r235

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2022
© Коллектив авторов, 2022

В НОМЕРЕ:

100 лет со дня рождения Л. Л. Викторовой (1921–2006) (*Редколлегия*) 5

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

С. В. Романова. Андрей Григорьевич Данилин как исследователь традиционной культуры алтайцев (по материалам Российского этнографического музея) 7

ФИЛОЛОГИЯ

О. К. Бабаева. Особенности перевода поэтических произведений (на примере стихотворений Д. Н. Кугультинова) 32

В. З. Церенов. О происхождении и значении имени Джангар 38

Б. Л. Митруев. Калмыцкие печати на санскрите 47

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И. А. Алимов. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII вв. (II) 55

Ю. А. Иоаннисян. Проповеди Сайида Казима Рашти в месяц рамадан 1257 г. х.: к вопросу о «пророческих/религиозных циклах» в учении шейхитов 62

ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ

С. С. Сабрукова. Страницы истории отечественного монголоведения из воспоминаний Г. И. Михайлова (1909–1986) 67

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К. В. Орлова. Международная научная конференция «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству» 76

И. В. Кульганек. Новые книги по монголоведению 81

IN MEMORIAM

Памяти Елены Юрьевны Харьковской (1955–2021) 89

ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ ЮРЬЕВНЫ ХАРЬКОВОЙ (1955–2021)

О Елене Юрьевне Харьковой уже сказано много хороших слов, написаны воспоминания-некрологи¹. Воспоминания трогают своей искренностью, болью за безвременную потерю прекрасного человека, освещают воспитание, талант и творческие достижения Елены Юрьевны. Хотелось бы добавить к сказанному несколько слов о ней как об университетском преподавателе и ученом-тибетологе.

Елена Юрьевна Харькова
(1955–2021)

Е. Ю. Харькова по образованию филолог, она окончила английское отделение Ленинградского государственного университета. С 1988 по 1991 г. работала научным сотрудником в Государственном музее-заповеднике «Ораниенбаум». Возможно, в эти годы Лена, будучи крещеной, увлеклась буддийской философией, занималась тибетским языком, выучила японский и испанский языки. С 1991 по 2002 г. Е. Ю. Харькова руководила издательским отделом дацана Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге. Дацан издавал буддийские книги, брошюры, календари, учебную и духовную литературу. Так, например, Елена Юрьевна и её сотрудник буддийский монах Александр Морозов активно содействовали переводу, доработке и публикации в 1997 г. уникальной на тот период книги С. Ходжа «Введение в классический тибетский язык». Учебник в определенной мере за-

полнил пробел с учебными пособиями по тибетскому классическому языку в России, использовался при обучении студентов-тибетологов на Восточном факультете СПбГУ, быстро стал библиографической редкостью. В 1997–1998 гг., получив благословение настоятеля дацана ламы Данзан-Хайбзуна (Ф. С. Самаева), Е. Ю. Харькова обучалась тибетскому языку и буддийской философии в Библиотеке тибетских трудов и архивов в г. Дхармасала, Индия.

По независящим от неё причинам Е. Ю. Харьковой пришлось уйти из дацана, но она продолжила активные тибетологические и буддологические исследования. Елена Юрьевна поступила в аспирантуру Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения, в 2006 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Сочинения Муге Самтэн Гьяцо (1914–1993) как источник изучения истории тибетобуддийской культуры». Муге Самтэн Гьяцо широко известен в Тибете, КНР и тибетской диаспоре в Индии как знаток традиционной культуры, просветитель, религиозный и общественный деятель. В диссертации впервые в истории отечественной науки рассматривается письменное наследие Муге Самтэн Гьяцо. Е. Ю. Харькова опубликовала ряд ценных научных работ, среди них монографию «Введение в источниковедение буддизма: Индия, Тибет, Монголия» и работала над её продолжением. В опубликованной книге дан подробнейший обзор буддийских источников — как переводов канонических текстов, так и оригинальных сочинений. Одновременно Елена Юрьевна преподавала тибетский язык при дацане, работала переводчиком у доктора тибетской медицины Церинга. В 2014 г. Е. Ю. Харькова в течение двух месяцев читала лекционный курс студентам Агинской буддийской академии. Она была также инициатором научного проекта Фонда бурятской культуры «Ая-Ганга» — научной конференции «Доржиевские чтения», которая впервые была организована в 2004 г. и с тех пор регулярно проводится один раз в два года.

В начале 2000-х гг. Е. Ю. Харькова преподавала тибетский разговорный язык на Восточном факультете СПбГУ, в то время как первым преподавателем разговорного тибетского языка в Санкт-Петербургском университете была в 1996–2000 гг. Р. Н. Крапивина. Ранее на кафедре монгольской филологии Восточного факультета преподавался практически только классический тибетский язык (язык тибетских

---

¹ URL: <https://ayaganga.ru/2021/08/17/ушла-из-жизни-харькова-елена-юрьевна/> (дата обращения: 12.11.2021).

буддийских текстов). Благодаря Елене Юрьевне студенты получили возможность улучшить своё знание как разговорного, так и современного литературного тибетского языка, что поднимало обучение будущих востоковедов на более высокий уровень. Студенты отмечали прекрасное владение тибетским языком и преподавательский талант Елены Юрьевны, которая могла доступно и понятно излагать материал.

Знания, обаяние и доброта Лены были таковы, что она очаровывала людей с первого взгляда, с первых слов. Во второй половине 1990-х гг. мы со студентами-первокурсниками отделения тибетской филологии кафедры монгольской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета пришли на экскурсию в Петербургский дацан. В дацане группу приняла и провела экскурсию Елена Юрьевна, в дальнейшем ставшая их университетским преподавателем. Широкий кругозор, увлеченность, глубокое знание буддизма и тибетско-

го языка, искреннее желание поделиться ими со студентами «зажигали» учеников.

Думаю, главными чертами Елены Юрьевны были ответственность и доброжелательность. Любое дело она доводила до совершенства, все делала безупречно. Книги, журналы, сборники статей, над которыми она работала, в том числе как редактор, поражали своим высоким научным уровнем. При огромной загруженности она находила время помогать другим своими советами, участием. При этом — бесребреничество, честность и благородство поражали тех, кто знал Елену Юрьевну. Неожиданным и горьким для всех было известие о её скоропостижной смерти. Мы потеряли одного из лучших людей и специалистов, но благодарная память о Елене Юрьевне и плоды её добрых дел будут с людьми навсегда!

Б. М. Нармаев

Е. Ю. Харькова писала также рассказы. Ниже мы публикуем один из ее неопубликованных рассказов,

который она планировала издать в журнале Байкал, однако не успела.

СИБИРСКАЯ ИСТОРИЯ

Ранней весной позвонила моя сибирская подруга Лара и, как всегда, обрушила на меня поток новостей: её муж получил предложение поработать в Швеции и они должны были пробыть там все лето. Она пригласила меня пожить «на природе», у них на даче (все перипетии строительства этой дачи обсуждались нами последние полтора года). Чувствуя в моем голосе некоторую нерешительность, Лара продолжала настаивать. Ее натиску было совершенно невозможно противостоять, и я сдалась.

В условленный день она встретила меня на маленькой железнодорожной станции Таксимо, где поезда стоят не дольше двух минут. До Нэйхы, цели нашего путешествия, было километров триста — сущие пустяки по сибирским представлениям, и мы немедленно отправились в путь, чтобы приехать засветло. Подставив лицо теплему ветру, я не отрываясь смотрела в окно машины: после привычных равнин и плоского серого неба глаз радовали поросшие соснами сопки, обилие солнца и ясная голубизна, в которой причудливо клубились белые облака.

Когда мы подъезжали к дому, Лара вдруг немного смущенно сказала: «Извини, забыла предупредить тебя. Примерно за неделю до твоего приезда забрел в наши края один дедушка — якут, кажется... Попросил, чтобы разрешили ему месяца три пожить во времянке позади дома. Времянкой этой мы сейчас не пользуемся, вот и разрешили. Он не будет тебе докучать. Целыми днями со своей собакой пропадает в тайге — всё травки какие-то собирает... Да ты и видеть-то его не будешь: уходит до восхода солнца и возвращается только к вечеру».

— Ладно, Лара, не беспокойся. Такое соседство может оказаться даже полезным: вдруг старик знает местные традиции, легенды. Это же так интересно!

— О, да ты, оказывается, безнадежный романтик! — в ее устах это была весьма нелестная характеристика. — Не понимаю, что может быть интересного в этой примитивной культуре? Сплошные суеверия и дикие обряды.

Возражать ей было бессмысленно, ибо она была человеком от «современности».

Мы прибыли на место во второй половине дня. Дача стояла на вершине холма среди сосен, почти на краю поселка. Приблизительно в полукилометре от нее начиналась настоящая тайга, которой, казалось, не было конца и края. У самого подножия холма искристой змейкой вилась речка. На западе череда невысоких поросших лесом гор утопала в золотистых лучах заходящего солнца.

После ужина мы совершили экскурсию по дому, который был действительно великолепен. Солнце зашло, в небе неподвижно висели длинные, словно стрелы, облака. Сгустившийся в низинах легкий туман делал вершины сопки похожими на острова в молочно-белом океане. Становилось довольно прохладно. Лара наконец закончила свои сборы и сказала: «Все-таки надо представить тебя нашему „постояльцу“. Он, наверное, уже вернулся. Пойдем, пока не стемнело».

Мы прошли на задний двор. Дверь во времянку была полуоткрыта, на небольшом крыльце лежал пес светлой масти, похожий на помесь хаски. При нашем

приближении он встал, вглядываясь в нас своими голубыми глазами.

— Не бойся, он добродушный, — подбодрила меня подруга, проходя мимо собаки.

Пес дружелюбно завилал хвостом и снова улегся на крыльце, видимо, не заметив в нас ничего угрожающего.

— Эй, дедушка, вы дома? — спросила Лара и вошла, не дожидаясь ответа.

Я в нерешительности остановилась на пороге, но она тут же окликнула меня: «Входи скорее, он здесь». Мы оказались в сумраке времянки, которую через небольшое оконце освещал только свет уходящего дня. Навстречу нам хлынули запахи трав и недавно оструганного дерева. У большого, сколоченного из досок стола стоял невысокий худощавый человек. Его длинные седые волосы были заплетены в косу, лица было не разглядеть: он склонился над столом, где лежали какие-то растения и аккуратная стопа мешочков, сделанных, как мне показалось, из тонкой кожи.

— Здравствуйте, дедушка, — приветствовала своего постояльца Лара. В ответ он только кивнул головой.

— Я на некоторое время уеду. В доме будет жить моя подруга Света, — она слегка подтолкнула меня вперед. — В случае чего, обращайтесь к ней. — Лара говорила голосом чуть громче обычного, словно с человеком, который слабо слышит, или с иностранцем.

— Я понял, — ответил старик. Он окинул меня быстрым взглядом и, больше не обращая на нас никакого внимания, продолжал заниматься своим делом. Ненадолго все замолчали.

— Можно узнать ваше имя? — решила спросить я.

— Можно. Эллей мое имя, — отвечал он, перебирая свои травы.

Было уже совсем темно. Мы попрощались и вышли. Дружелюбный пес, дремавший на пороге времянки, даже не пошевелился. Мне было немного не по себе: каково же жить в этом домишке, куда так легко проникает ночной холод, без электричества и воды!

— Лара, не пригласишь ли ты старика на чашку чая? — спросила я.

— Ты с ума сошла! Я хочу провести остаток вечера с тобой... Не заставляй меня жалеть о том, что я разрешила ему остаться.

— Да полно тебе. Я ведь просто спросила.

— И, пожалуйста, не пускай его в дом. Кто знает, где он шатается целыми днями!

Мне всегда было трудно уснуть на новом месте, к тому же лавина новых впечатлений, волнение от встречи с подругой и усталость, которая странным образом превратилась в свою противоположность, не давали мне сомкнуть глаз. Я вышла на крыльцо,

чтобы подышать свежим ночным воздухом. Полная луна хорошо освещала необъятные пространства окрестных лесов. В безоблачном серебристом небе, плавно кружа над соседними холмами, скользила какая-то могучая птица. Вдруг умолк беспорядочный шёпот моих мыслей — всё затмила сияющая, словно новый стальной клинок, грозная красота. Я не возвращалась в дом до тех пор, пока силуэт огромной птицы не пропал в вышине.

Утром мне были даны последние инструкции, мы наскоро позавтракали и стали укладывать в багажник машины Ларины чемоданы. Настало время прощаться, и она, пообещав звонить, отправилась в долгожданную поездку «на Запад».

Располагавшиеся в центре поселка почта, банк и аптека выходили на маленькую площадь, посередине которой стоял пустой пьедестал. Поблизости был рынок, где довольно бойко торговали молочными продуктами, овощами, кедровыми орехами и «серой» — веществом из древесных смол, успешно конкурировавшим у местного населения с жевательной резинкой. Обойдя центр поселка минут за пятнадцать и не найдя там для себя ничего интересного, я направилась к Лариной даче, которая теперь надолго должна была стать моим домом.

Постепенно осваиваясь на новом месте и привыкая к необычному для себя образу жизни, я не заметила, как пролетела целая неделя. Мне казалось, что здесь, «на краю света», среди покоряющей душу красоты ко мне вот-вот вернуться прежние силы, придет желанная ясность мысли и уверенность в правильности каждого шага. Увы, пока это были лишь надежды, на самом же деле меня словно подтачивал какой-то глубоко затаившийся недуг.

Каждый вечер из окна кухни, выходящего на задний двор, я видела, как Эллей со своей собакой возвращается домой. Он заходил во времянку, оставлял там свой рюкзак, шел на реку освежиться и вновь скрывался за дверью своего пристанища. Мне было как-то неловко оттого, что рядом в столь трудных условиях живет этот человек, по неведомым причинам внушавший мне чувство глубокого уважения. Однако его суровость и явное нежелание общаться наводили на мысль о том, что моя попытка вмешаться в его дела может быть ему неприятна.

Однажды вечером, сидя на кухне за вечерним чаем, я почувствовала какое-то смутное беспокойство. Скоро мне стала ясна его причина: солнце стояло уже совсем низко, а старик все не возвращался. Я взяла книгу, вышла из дома и расположилась на ступеньках крыльца, чтобы лучше видеть дорогу, терпящуюся в глубинах тайги. Мне, конечно, было не до чтения.

Примерно через полчаса напряженного ожидания я наконец увидела Эллея, поднимавшегося по склону холма совсем не с той стороны, с какой я ожидала. У меня отлегло от сердца. Пес проскользнул в при-

открытую калитку, за ним во двор вошел его хозяин и вдруг, поравнявшись с крыльцом, слегка замедлил шаг. Это был мой шанс поздороваться с ним.

— Здравствуй, — ответил он, остановился и скинул с плеч свой, по-видимому, очень тяжелый рюкзак. — Откуда приехала? Надолго?

Мне ничего не оставалось, как подняться со ступенек крыльца и сделать шаг ему навстречу.

— Я приехала с северо-запада, из Петербурга. Останусь здесь на все лето.

Наконец я осмелилась взглянуть на него. Его лицо излучало какую-то непонятную силу; смуглая кожа совсем потемнела от солнца, и это немного смягчало его резкие черты. В чуть раскосых карих глазах светился живой ум. Эллей смотрел на меня спокойно и доброжелательно.

— Давно ты болеешь? — вдруг спросил он.

Этот неожиданный и прямой вопрос ошеломил меня. Он продолжал внимательно смотреть на меня.

— Да вот, неважно чувствую себя около года, — ответила я. — Наши доктора у меня ничего не находят, а мне становится все хуже. Моя подруга сказала, что вы хорошо разбираетесь в травах. Может быть, вы сможете помочь мне?

Он задумался.

— Я мог бы попытаться... Но мне необходимо твое доверие. Ты сможешь довериться мне?

— Да, — сказала я без малейших колебаний.

— Хорошо. Утром посмотрим, что можно сделать. Сейчас ложись спать, встанешь с рассветом. Я приду.

Поблагодарив его, я вошла в дом, не чувствуя под собой ног от навалившейся вдруг усталости.

Когда утром Эллей появился около дома, я уже ждала его. Мы прошли в гостиную. В руках у него был небольшой мешочек, из которого он достал сухие ветки можжевельника. Он усадил меня на стул, зажег ветки и окурил комнату, что-то едва слышно напевая в такт своим движениям. Внимательно осмотрев мои глаза, язык, ногти и волосы, он заставил меня пройтись, наблюдая за моей походкой. Потом долго держал центр ладони у моего межбровья, над теменем и у сердца, словно к чему-то прислушиваясь. Наконец, подробно расспросив обо всем, что беспокоило меня, сказал:

— Когда вернусь, приготовлю тебе лекарства. Будешь принимать их, не пропуская ни одного дня.

— Но в чем причина моей болезни? Можно ли вылечить меня?

— У болезни может быть много причин. Одни коренятся в нашем прошлом, другие — в наших мыслях и чувствах. Мир смотрит на нас тысячами глаз, и далеко не все они добры... Ты понимаешь меня?

— Стараюсь понять.

— Ты будешь здорова, если сама того захочешь. А сейчас тебе нужно поспать, трудно ведь так рано вставать с непривычки! — Он уже повернулся, что-

бы идти к себе, но я успела заметить тень улыбки, скользнувшую по его лицу.

Часа через три, когда солнце стояло уже высоко, меня разбудили звуки проснувшегося поселка. Автоматически сделав все, что наметила на утро, я подошла к большому зеркалу в Лариной спальне. Меня вовсе не порадовало то, что отражалось в нем: какой-то взъерошенный больной воробей — вот кого напоминала я больше всего. Мои светлые волосы, тусклые и жесткие, смешно торчали в разные стороны, прежде веселые серые глаза погасли, тонкие руки были беспомощно опущены вдоль тела. «А ведь мне нет еще тридцати! Так не должно быть, да так больше и не будет. Я наконец-то стану сама собой, ведь теперь у меня появился помощник. Вот только кто он, этот удивительный человек?» — размышляла я, стоя перед зеркалом.

Когда вечером Эллей вернулся, он снова застал меня сидящей на ступеньках крыльца.

— Зайди ко мне через час за своими лекарствами, — сказал он, проходя мимо.

— Спасибо... Может быть, вы голодны или хотите горячего чая?

Он засмеялся.

— Если буду так поздно есть, ленивым стану, долго ходить по тайге не смогу!

С каждым днем я все явственнее осознавала, что, словно фальшиво звучащий инструмент, Эллей настраивает меня на правильный лад своими травами. Он заставлял меня много двигаться, иногда поручая сходить в противоположный конец поселка за какой-нибудь якобы нужной ему мелочью, и краем глаза наблюдал за тем, как мы с его псом по кличке Волк возимся и бегаем во дворе. Я научилась вставать с восходом солнца и обнаружила, что ранние утренние часы полны особого очарования и дарят силы радостно прожить день.

Теперь мне удавалось совершать довольно долгие путешествия вдоль речки, огибавшей поселок и впадавшей в озеро, где с утра до ночи купалась местная детвора. Во время одной из таких прогулок я заметила, что за лист осоки, росшей у самой воды, зацепилось большое бурое перо с черным кончиком. Мне вспомнилась птица в ночном небе, полетом которой я долго любовалась. Стараясь не уронить свою находку в реку, я осторожно извлекла перо из травы, положила между страниц альбома для карандашных зарисовок и направилась к дому, от которого ушла на порядочное расстояние. После нескольких часов странствий по окрестностям я задремала прямо на ступеньках крыльца. Меня разбудил тихий смех Элрея.

— Эй, проснись, я принес тебе немного ягод, — сказал он, протягивая мне маленький берестяной тукесок, полный земляники.

— Какие красивые! Чудный аромат. Спасибо...

Он кивнул и собрался идти к себе. И тут, совершенно неожиданно для себя, я спросила:

— Скажите, орлы охотятся ночью?

— Нет... обычно нет. Почему ты спросила? — в его голосе звучало неподдельное удивление.

— В мою первую ночь здесь мне не спалось. Я вышла во двор и увидела в небе какую-то огромную птицу. Мне показалось, что это был орел.

— Кто знает... Может быть, — сказал он, задумчиво глядя на меня.

Однажды вечером Эллей вернулся раньше обычного и объявил, что в течение ближайших трех дней никуда не пойдет, потому что все это время будут проливные дожди. Он принялся осматривать крышу времянки, чтобы залатать прорехи, через которые внутрь могла проникнуть влага. Тогда пропал бы весь его труд — травы, собранные и высушенные для приготовления лекарств.

— Не лучше ли перенести все в дом? Там достаточно места, и кровля надежная, — предложила я.

Он, к моей радости, согласился, и мы до заката перенесли в дом все его драгоценные запасы. Волк, вероятно чувствуя перемену погоды, заметно нервничал и звонко лаял, пока мы ходили между домом и времянкой.

— Завтра осмотру тебя, — сказал Эллей. — Будь готова часам к семи утра.

— Вы позволите мне готовить еду для вас и Волка в эти дни? У меня полный холодильник продуктов, а в ливень вы вряд ли пойдете в поселок.

— О, ты очень добра к нам... Да, приятель? — сказал он и потрепал пса по голове. — Посмотрим, каков он будет, завтрашний дождь...

Я благодарила судьбу за надвигающуюся непогоду, надеясь, что наконец получу долгожданную возможность поговорить с Эллеем и хоть что-нибудь узнаю о нем. Солнце садилось в рваные лиловые тучи, вода в речке казалась свинцовой, ветер совсем стих — все это явно предвещало непогоду. Далеко на западе сверкали зарницы, на нас медленно шел грозовой фронт. «Странно, — подумала я, — ни в каких прогнозах о грозе в этом районе не упоминалось. Лара говорила, что в это время дожди здесь большая редкость». Однако ранним утром, как и предсказывал Эллей, на поселок обрушился настоящий ливень.

Он успел прийти перед самым дождем. Повторился ритуал моего осмотра. Я действительно стала чувствовать себя намного лучше, о чем и сообщила своему необыкновенному доктору. Он лишь покачал головой, заметив, что мне придется еще многое понять и многое изменить в своей жизни, чтобы стать по-настоящему здоровой.

Над нами бушевала одна из тех страшных гроз, когда молнии сверкают одна за другой и кажется, что небо вот-вот расколется на части от ударов грома.

— Вам нельзя оставаться в этой старой времянке в такую непогоду. В доме есть свободная комната, просторная и светлая, вам будет там удобно!

— Ты что же, погостить меня приглашаешь? — спросил Эллей. Голос его прозвучал неожиданно мягко, в нем даже не было обычной насмешливой нотки. Мне показалось, что он был рад.

— Конечно! Нужно же вам где-то укрыться от дождя.

В тот день мы завтракали вместе в первый раз. Он почти ничего не ел и, заметив, что меня это огорчает, сказал: «Сейчас особое время: я запасуюсь травами на целый год. Для этого нужны чистота, легкость и сила, поэтому приходится воздерживаться от обычной еды». Я приняла это объяснение, не задавая никаких вопросов, хотя оно немного озадачило меня.

Постепенно в наших отношениях исчезла всякая принужденность. Пользуясь неожиданным затворничеством, Эллей посвящал много времени сортировке и обработке всего найденного им в тайге, а же с удовольствием выполняла обязанности «хозяйки дома». Но в эти ненастные дни у нас, как я и надеялась, было достаточно времени для разговоров. Эллей оказался великолепным собеседником: он обладал чувством юмора, тактом и даром рассказчика. Позже выяснилось, что он действительно прекрасно знал историю здешних мест, эпос, охотничьи истории, сказки. Его можно было слушать бесконечно.

Поскольку дождь не унимался, в доме стало прохладно, и я спросила, не хочет ли он выпить немного красного вина. Он покачал головой и сказал: «Думаю, свою долю вина я уже выпил...» С минуту он молчал, а потом коротко поведал мне историю своей жизни: «Я рос в маленьком селе, затерянном в тайге. В тех краях мой отец прослыл гордецом. Он был потомком известного якутского рода, но утратил с ним всякую связь, и это не могло не сказаться на его характере. Он презирал односельчан, а они втайне посмеивались над ним и сторонились его. Только моя мать прощала ему все — замкнутость, внезапные вспышки гнева, даже побои. От одиночества и безысходности отец стал много пить. Мальчишкой я тоже был совершенно несносен: мог вспылить, полезть в драку, схватиться за нож. Моя несчастная мать не знала, как удержать меня от беды. Однажды сверстники страшно избили меня. Отец, увидев мой позор, пришел в ярость, схватил кнут и нанес мне несколько беспощадных ударов, приговаривая: „Ах ты, трусливый щенок! Научись стоять за себя. Если я еще раз увижу тебя побитым, знай, я убью тебя“. Спиртное придавало мне храбрости, я дрался отчаянно, и многие предпочитали со мной не связываться. Однажды мои недруги подкараулили меня на окраине села. У них были ножи... Я чудом выжил. Когда отец умирал, он подзвал меня к себе и прошептал свое последнее напутствие: „Сын, береги себя, никогда больше не дерись!“

Прошло несколько лет. Я женился на девушке, которую сильно полюбил. Она была необыкновенно хороша собой и к тому же обладала голосом редкой красоты. Она знала много наших якутских песен, и

люди иногда приходили издалека специально, чтобы послушать ее. У нас родилась дочь. Три года мы были совершенно счастливы. Однажды, когда я уехал на заработки в Иркутск, в наш дом вломились бежавшие из лагеря уголовники. Уходя они убили всех, не пожалев и мою маленькую дочку. На какое-то время я словно лишился рассудка. Решил, что мне больше незачем жить, и ушел в тайгу, чтобы там сгинуть. Сколько времени я в полном безумии бродил без воды и пищи, не знаю... Очнувшись в доме одного человека, уединенно жившего на краю тайги. Он спас меня — подобрал, вылечил и научил всему, что я знаю. В родное село я так и не вернулся, остался с ним. С тех пор как он умер, я один живу в его доме».

— И у вас совсем никого нет?

— Никого... Но, знаешь, вокруг так много страдающих, больных, отчаявшихся людей. Они каким-то образом находят меня. Уж, видно, Творцу было угодно, чтобы я научился помогать им...

Когда через три дня погода стала налаживаться, Эллей решил перебраться в свою временку. Мне пришлось остановить его:

— По-моему, в этом нет никакого смысла. Поймите, и мне спокойнее, если я буду не одна в этом доме, и вас больше не застанет врасплох непогода.

— Твоя подруга может рассердиться, да и зачем тебе лишние хлопоты?

— Подруга не рассердится. А для меня... какие там хлопоты... Позвольте же хоть что-нибудь сделать для вас! — пыталась убедить его я.

Он ничего не ответил и стал собирать свои мешочки с травами. Вдруг Волк подошел ко мне и слегка подкинул вверх мою ладонь своим широким лбом, как он часто делал, приглашая меня поиграть. Увидев это, Эллей усмехнулся и сказал: «Хорошо. Мы останемся».

Он уходил в тайгу на целый день, но вечером у меня были драгоценные пятнадцать-двадцать минут, чтобы побеседовать с ним, и он охотно отвечал на мои вопросы, особенно если я не понимала его указаний. Иногда он рассказывал что-то из своих дневных впечатлений, но чаще шел работать на веранду дома, куда мы перенесли его «аптеку», а потом, выпив горячего отвара из каких-то трав, ложился спать.

Время летело очень быстро, и мне было страшно подумать о том, что три месяца, которые Эллей собирался провести в Нэйхы, однажды истекнут. После мучительных раздумий, я все-таки попросила его: «Возьмите меня, пожалуйста, с собой в тайгу, хотя бы один раз!»

Он, казалось, удивился.

— Ты же знаешь, я быстро пойду. Дорога будет очень трудная. Не понимаю, зачем тебе это нужно? — Он усмехнулся и, чуть понизив голос, добавил: — Еще меньше я понимаю, зачем это нужно мне...

— Я постараюсь не быть вам в тягость. Не буду успевать за вами — вернусь.

К моей радости он пообещал взять меня с собой на следующей неделе, если к подобному путешествию не будет никаких препятствий.

Наконец долгожданный день наступил. Эллей строго-настрого запретил мне брать с собой любые продукты, позволил взять лишь немного воды. Перед тем как мы вышли из дома, он дал мне небольшую склянку с какой-то мазью, пахнувшей смолой и ванилью, и велел натереть все тело, чтобы не донимали комары и мошка. Убедившись, что мой рюкзак почти невесом, он осмотрел мою походную обувь, кивнул головой и сказал, что можно выходить.

Мне действительно было очень трудно идти в нужном темпе, да это было бы просто невозможно, не научи он меня правильно дышать во время движения, — и кое-как я успевала за ним. Если я сильно отставала, меня находил Волк и указывал мне путь. К счастью, в этом районе почти не было болот, тайга была чистая, хорошо проходима, и скоро я почти перестала замечать тяготы нашего путешествия.

Эллей безошибочно определял места, где могли быть нужные ему травы. Прежде чем коснуться любой былинки, он закрывал глаза и на несколько мгновений погружался в размышление. Тогда его лицо становилось спокойным, ясным, и мне казалось, что он молится, хотя губы его были неподвижны. Он говорил о растениях с удивительной теплотой, словно о своих близких.

Спустя несколько часов Эллей решил, что пришло время для отдыха. Он выбрал место изумительной красоты близ ручья, ниспадавшего по камням маленьким хрустальным водопадом, набрал воды и принялся готовить еду. Я, наконец, поняла, чем он питался: это был суп из вяленого мяса с найденными им кореньями, грибами и травами. После нашей стремительной прогулки я тоже ела с превеликим удовольствием, чувствуя, что это экзотическое блюдо прибавит мне сил. Досталось кое-что и Волку, впрочем, он-то отлично знал, чем еще можно поживиться в тайге.

Домой мы возвращались в обычное для Эллей время, и втайне я ликовала: он не был вынужден сократить из-за меня свой маршрут. Уже на краю поселка нам встретились две немолодые якутки, одна из них — в ярком платке — шла не очень твердым шагом, распевая какую-то песню. Издали увидев нас, она запела нарочито громко и, как мне показалось, даже с вызовом.

— О чем эта песня? — спросила я Эллей.

— Я ее не знаю. Похоже, эта песня не из тех, что стоит слушать. Оставь, пойдем, скоро начнет смеркаться.

Когда мы поравнялись с женщинами, я все же не удержалась и сказала:

— Наверное, очень веселую песню вы поете!

— Хочешь знать? Я скажу! — якутка в ярком платке засмеялась. — Вот что я пою:

Она осыпала меня упреками,
Но я легко заполучил ее...
Посмотрите, какие безумные у нее глаза!

— Правду говорят, что у каждого свои песни, — заметил Эллей.

Удаляясь от нас, женщина продолжала громко петь, и ее голос еще долго звучал в прозрачном вечернем воздухе.

Все чаще я сопровождала Эллея и словно заново училась ходить, бегать, дышать. Он никогда не упрекал меня за неловкость и медлительность, но сама я тяжело переживала каждый свой промах. Когда в очередной раз ему пришлось помогать мне — на нашем пути оказался широкий ручей, — не в силах сдерживать досаду, я сказала:

— Простите... от меня одни только лишние заботы!

— Ну, не только... — отвечал он, искоса глядя на меня, — ты готовишь мне сносную еду, стираешь мою одежду, латаешь на ней дыры и пришиваешь пуговицы. К тому же ты любишь мою собаку.

Шла первая декада июля. Как-то вечером Эллей сказал: «У тебя немного усталый вид. Сегодня я сам приготовлю чай». И мы выпили по чашке терпкого, горьковатого, но не столь уж неприятного на вкус напитка. Не успела моя голова коснуться подушки, как я тут же уснула, погрузившись в какую-то мягкую бархатную пустоту. Мне стал сниться сон, который был так ярок, что я запомнила каждую деталь. Я стояла на краю скалы, и передо мной открывался вид на незнакомые, лишенные растительности горы. Небо пылало синевою. Послышался шум крыльев большой птицы, и я увидела орла, который опустился на выступ скалы рядом со мной. Он смотрел янтарным оком прямо на меня, но мне почему-то не было страшно. Я знала, что мы должны лететь вместе, и, когда орел взмахнул крыльями, шагнула с края скалы. Ощущение скольжения в воздухе и свист ветра в ушах были на удивление правдоподобными. Реальность этого переживания вытолкнула меня из сновидения. «Что за странный сон?» — спрашивала я себя. Больше заснуть я не могла. Утром я вышла проводить Эллея. Его, наверное, удивил мой вид, потому что он вдруг пробежал кончиками пальцев по моей щеке и участливо спросил: «Что, снился плохой сон?»

— Нет, просто это был очень необычный сон — его невозможно забыть.

Он не сказал больше ни слова и не оглядываясь устремился в сторону тайги.

Эллей щедро делился со мной воспоминаниями о своей жизни, рассказывал мне какие-то отрывки из олонхо, легенды о животных, охотничьи предания, обо всем необычном, что мы видели. Как-то он показал мне один с виду невзрачный камень, который оказался очень мягким. Вскрыв его ножом, он высы-

пал на ладонь светло-серый порошок, который находился внутри: «Этот порошок — очень ценное сырье для лекарств, но добыть его можно только в это время. Если найдешь камень осенью, его нельзя будет даже поцарапать, настолько он будет тверд».

Однажды, когда мы присели отдохнуть в тени невысокого кедра, он на минуту задумался, а потом вдруг улыбнулся и стал рассказывать: «Вот история о том, как якут обманул злого духа. Темным зимним вечером возвращался домой один охотник. Злой дух решил напугать его до смерти и душу забрать. Было совсем темно: луну скрыли облака. Слышит охотник — кто-то идет вслед за ним. Обернулся — никого. Идет дальше. Остановился прислушиваясь — и позади шаги тут же смолкли. Охотник прибавил шагу, и позади кто-то заторопился. Охотник кашлянул, и позади кто-то кашлянул. Охотник хлопнул в ладоши, и тут же позади раздался хлопок ладоней. „Ладно, — подумал охотник, — видно, ты повторяешь всё, что делаю я. Сейчас испытаю тебя“. Остановился — позади тут же стало тихо. Пошел быстрее, и позади кто-то ускорил шаг. Кашлянул, и позади кто-то кашлянул. Тут охотник сделал вид, что собирается хлопнуть в ладоши, и... злой дух хлопнул в ладоши. Так он был опозорен и ни с чем вернулся в свой нижний мир».

Хорошо изучив окрестные леса, Эллей обнаружил маленькое озеро с песчаными берегами, спокойная поверхность которого изумила меня своим серебристо-зеленым цветом. Он сказал, что это озеро питают множество целебных источников, и мы непременно должны купаться здесь каждый раз, когда идем мимо. Он плавал и резвился в воде, словно какой-то диковинный зверь. Впервые подойдя к озеру, я долго в нерешительности стояла на кромке песка, а он от всей души смеялся над моим страхом и в конце концов просто толкнул меня в освежающую прохладу воды. Когда, вдоволь накупавшись, мы грелись на берегу, я заметила у него на плече маленькую татуировку в виде распахнутого птичьего крыла.

Я не узнавала себя. Благодаря нашим подчас нелегким путешествиям я стала внимательней, собранней. Мое тело обрело быстроту и гибкость, бесследно исчезли прежние скованность и апатия. Мне было трудно понять, как Эллей этого добился и почему он сделал это для меня. Иногда я ловила себя на мысли, что он и был моим главным лекарством, этот человек, показывающий мне пример силы духа, заботы о других, бесконечной любви ко всему живому.

Приближалась осень. Эллей ничего не говорил о времени своего отъезда. Все шло своим чередом: наши незабываемые походы в тайгу, долгие беседы в дни отдыха, те немногие дни, которые я проводила дома одна.

Однажды мы расположились отдохнуть в холмистой части тайги, откуда были видны невысокие зеленые горы. Удобно устроившись на мягком барха-

тистом мхе, я прислонилась к стволу огромной листовницы и принялась перебирать ягоды, которые мы собрали по дороге. Вскоре пришел Эллей, осматривавший окрестности. Опустившись на корточки, он стал наводить порядок в своем рюкзаке. Вдруг он сказал:

— Я устал, отдохнуть хочу немного.

Он прилег неподалеку от меня и закрыл глаза. Неожиданно смолкли все обычные таежные голоса, и воцарилась полная тишина. Удивительная тишина. Дыхание Эллея было ровным, почти неслышным, казалось, он задремал. Мне показалось, что его черты смягчились, морщины разгладились. Лишь тонкая морщинка между бровей выдавала какое-то тайное напряжение.

— Скоро мне нужно возвращаться на свою зимовку, — едва слышно сказал он.

— Как я останусь без тебя?

— Ты должна вернуться в свой город, к друзьям, к привычным делам и жить своей жизнью. Теперь у тебя достаточно сил.

— Своей жизнью?! Я умру от тоски в этом городе, задохнусь в его каменных застенках, мне хочется свежего ветра, свободы...

— Дитя, я понимаю, о чем ты. Иногда мы переживали одно и то же в наших снах.

— Кем бы ты ни был, не оставляй меня. Разрешите мне последовать за тобой!

— Ты не выдержишь такой жизни — в уединении, среди тайги. Тебе она скоро наскучит, и ты будешь рваться прочь от меня, проклиная тот день, когда мы встретились.

— Ведь ты мог бы многому научить меня. Ты мне не доверяешь?

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. — Он поднялся и сел рядом со мной.

— Сейчас больше ни слова! Нам пора в обратный путь, — сказал он строго, но его голос дрогнул. Мы тут же собрались и пошли. У меня из глаз сплошным потоком лились слезы. Я плакала молча, чтобы он не услышал. Мы шли очень быстро. Над тайгой сгустились довольно плотные дождевые об-

лака. Эллей, то и дело поглядывая на небо, торопил меня, опасаясь, что мы не успеем домой до начала ливня. Я пошла быстрее и, догнав его, не удержалась от шутливого вопроса: «Это опять твоих рук дело?» Он улыбнулся мне, как он умел, одними глазами и сказал: «На этот раз это воля Сугэ Тойона. Нам нужно спешить».

Все время, оставшееся до отъезда Эллея, мы провели вместе. Я втайне надеялась, что обязательно сумею найти его пристанище, в какой бы глуши оно ни было, и постараюсь убедить его в том, что смогу быть ему полезной, что должна остаться с ним навсегда. В предпоследний день он сказал:

— Сегодня ты не можешь пойти со мной. Очень, очень скверный день. У меня плохое предчувствие. Может произойти все что угодно.

— Но ты все-таки идешь, — пробовала возразить я.

— Обещаю тебе, что скоро вернусь.

— Прошу тебя, ведь это в последний раз. Каково мне будет ждать тебя, зная, что с тобой может что-то случиться!

Эллей долго смотрел на меня из-под полуприкрытых век и наконец сказал:

— Что ж, иди. Только не отставай от меня ни на шаг.

Откуда взялись эти охотники на их пути? Никто уже не узнает. Это был случайный выстрел — выстрел ниоткуда. Светлана почувствовала мгновенную боль в груди — пуля, словно ведомая божествами судьбы, смертельно ранила ее. Эллей, еще живую, принес ее на руках в поселок. Пока силы не оставили ее, она лепетала: «Обмани *его*, обмани, отдавай меня *ему*...» Он отвечал: «Не бойся, дитя, я не отдам тебя, я закрою путь в Бездну Смерти». И он успел сделать все, что было нужно. Теперь она была его духом-хранителем. Навсегда покидая эти места, Эллей уносил с собой ее изображение-*эмэгэт* — маленькую женскую фигурку, вырезанную из дерева. Когда он брал ее в руки и что-то шептал, их души, как прежде, соединялись и парили в светлом мире Творца-Айы.

Е. Ю. Харькова